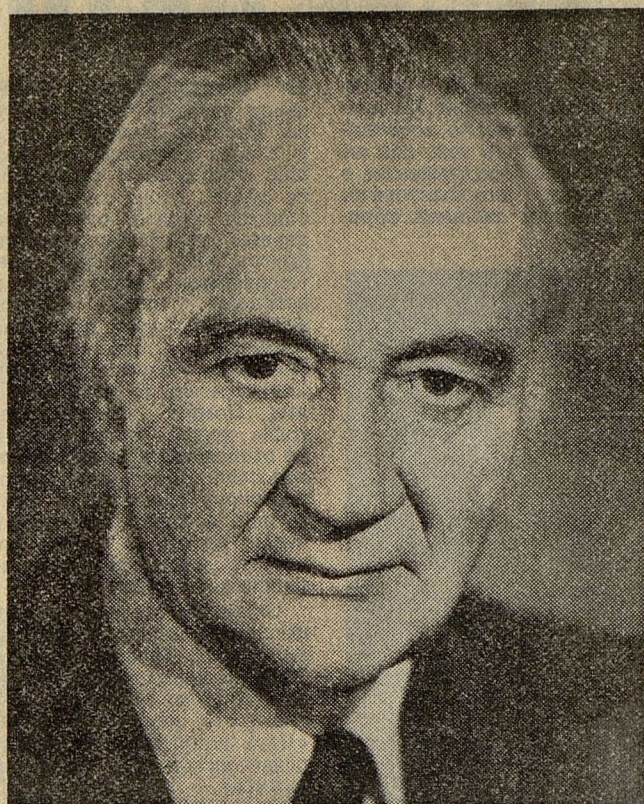

ЛЮДИ ИСКУССТВА

«КРЕПЧЕ ВСЕХ КИРПИЧЕЙ И АЛМАЗОВ»

Ярослав ГОЛОВАНОВ

ТЕПЕРЬ уже можно сказать об этом откровенно: все это — шпаги, кинжалы, кружевные воротники, бархатные камзолы, ботфорты с жарко горевшими пряжками — все это ему просто очень нравилось, волновало, наполняло каким-то отважным, романтическим восторгом. Собственно, и после окончания театральной школы при Московском театре Революции, когда уже зачислили его в труппу и в программах фамилию набирали черным жирным шрифтом с полными инициалами — П. В. Крылов, — и теперь продолжал жить в нем мальчишка, — Петя из сокольнической 36-й школы, великий артист 1-й Мещанской улицы. В школьном театре он играл с четвертого класса. И не «Репку» какую-нибудь, не «Кота в сапогах», а «Ярость», «Разлом», «Сигнал», «Интервенцию». И везде был Петя на первых ролях. Он и Оля Кривошеина. Судьба-индейка, однако, по-своему повернула — не получилось из нее артистки. Ольга Сергеевна Кривошеина — директор Центрального музея В. И. Ленина. А Петр после школы был уже околдован сценой навсегда. В 18 лет пришел в «Театр рабочих ребят» — был такой в Москве, в старинном Токмаковом переулке. Потом театральная школа, и вот Театр Революции — так назывался до войны нынешний Московский академический театр им. Вл. Маяковского.

Красив был П. Крылов, молодой, статен, так шли к нему эти бархатные камзолы — загляденье! Взяли его с дипломного спектакля «Два веронца», где он играл Протея. И пошло: Парис в «Ромео и Джульетте», Теодор в «Собаке на сене»... И неизвестно, сколько бы лет оставался Петр Крылов бархатным красавцем в Театре Революции, если бы не приметил его в самом начале 1941 года Н. В. Петров.

У Николая Васильевича Петрова, художественного руководителя Центрального театра транспорта, в то время положение сложилось тягчайшее. Главный его «герой-любовник» Владимир Зельдин был приглашен Иваном Пырьевым на центральную роль в фильме «Свинарка и пастух». Как говорится, парню крупно повезло, и задерживать его в театре у Петрова рука не поднималась. Да, если по правде сказать, и не мог он его задерживать: кинопробы получились великолепные, и Зельдин всей душой рвался на «Мосфильм». Молодой герой требовался театру не просто срочно, а сверхсрочно. Н. В. Петров увидел П. Крылова, заговорил, увлек, наобещал с три короба, тот и опомниться не успел, как очутился в Театре транспорта — так называли до 1959 года Московский драматический театр им. Н. В. Гоголя.

Наверное, за всю долгую театральную жизнь П. Крылова не было у него периода более стремительного, просто сумасшедшего по темпам работы. Каждый десять дней у него премьера. И не просто эпизодные какие-нибудь, а центральные роли играл. И не в водевильчиках, а в классических пьесах: «Коварство и любовь», «Комедия ошибок», «Собор Парижской Богоматери»...

— Я очень не люблю вводить в спектакль, — вспоминает сегодня Петр Васильевич, — я медленно вхожу в образ. Ведь самое интересное — поиск, «этапные мучки», как говорил мой друг Николай Гриценко. А тут просто чехарда какая-то. Но школа это была хорошая. Я вообще очень благодарен Николаю Васильевичу Петрову. Не будь его и драматурга Бориса Сергеевича Ромашова, я мог бы так и остаться актером плаща и шпаги. Роль Алексея Очереды в пьесе Ромашова «Со всяким может случиться» стала поворотом в моей актерской судьбе...

Недавно, накануне семидесятилетия, Петр Васильевич подсчитал: сыграл он в театре 122 роли. Как рассказать об этом? Это ведь 122 жизни прожито. Главные? Трудно определить, какие из них были главные. Наверное, те, которые в нем самом открывали что-то совершенно новое, неизвестное. И тогда уже не суть важно, действительно ли главная эта роль или эпизодическая. Важно, что это шаг вперед в творчестве, что это рост.

Он испытал его, когда играл в комедии Б. Ромашова «Знатная фамилия». Его Тимофей Курчатов и написан был отлично, и поставлен Н. В. Петровым лихо, и роль пошла сразу, радостно, весело, с постоянным чувством контакта с залом. Тимофей был умница, балагур, натура увлекающаяся, стремительная. Изобретатель влюбился в цирковую дрессировщицу, много с ним разного приключалось, но очень его любил зрители, и Крылов его любил. Николай Погодин, поздравляя его, говорил, что работа блестящая. Потом написал рецензию, очень его хвалил: «Все живо, интересно и правдиво... Правдива от начала до конца замечательная сцена, где у нашего героя в прямом и переносном смысле слова кружится голова от успехов, когда на самом деле и в своей любви он заблуждается и до полного успеха на паровозе ему еще далеко... В этой комедии мы видим нашего советского мо-

лодого человека в качестве «героя-любовника», который достоин любви и сам довольно точно это знает».

Пусть Тимофей Курчатов все-таки «герой-любовник», новая современная разновидность, далекий потомок Теодора и Париса. Но капитана Незеласова из «Бронепоезда 14-69» Всеволода Иванова «героем-любовником» уж никак не назовешь. Как они непохожи — Курчатов и Незеласов.

— Скоморох Богданка в детской сказке «Иван-да-Марья» В. Гольдфельда, Красильников в «Пучине» А. Н. Островского, Прамник в «Буре» В. Ладиса, Александр в «Последних» А. М. Горького, Иволгин в «Вихрях враждебных» Н. Погодина, Мошкин в «Доме» Ф. Абрамова... Почему именно эти роли, разведенные иногда многими годами, вспоминаете вы в первую очередь, Петр Васильевич?

Он долго молчит, подыскивая объяснение. Видно, никогда не задумывался над этим. Потом говорит задумчиво:

— Они запомнились мне больше других потому, что, как мне кажется, они больше других запомнились зрителям...

— А планы? Кого теперь вы надеетесь «запомнить»? — вопрос в беседах с актерами столь традиционный, что впроу покраснеть.

— Честно говоря, очень хотелось бы сыграть Крутицкого в «Не было ни гроша, да вдруг алтын» А. Н. Островского. Но загадывать трудно. Видите ли, надо понять режиссера. У него большая труппа, и каждый ищет свое. Что такое «точное попадание» в выборе репертуара? Это когда пьеса позволяет выявить максимальное число талантов. Но не всегда удается достичь такой гармонии. Частный успех актера — это еще не успех театра вообще. Помню, мы ставили «Вишневый сад», говорил, я хорошо играл Петю Трофимова, но спектакль не получился, не пошел...

— Значит, партнеры подвели?

— Что вы, как можно! Мне в жизни очень везло на партнеров. Совсем молодым я играл с Марией Бабановой, Михаилом Астанговым, Дмитрием Орловым, Андреем Поповым — эти замечательные артисты на всю жизнь остались моими первыми учителями. А в Театре транспорта мне повезло сыграть много с Александром Михайловичем Дорошевичем, Анфисой Васильевной Андреевой, Ириной Александровной Потоцкой, Людмилой Александровной Скопиной, Виктором Ивановичем Хохряковым — это же огромное удовольствие!

— Всегда удовольствие?

— С ними — всегда! Но ведь партнеры разные бывают. С другим играешь и думаешь: скорее бы спектакль кончился.

Мы долго говорим о театре вообще и Театре им. Н. В. Гоголя, в частности. П. Крылов — большой патриот своего театра, как говорят, «белельщик», но не в спортивном, а в деревенском смысле этого слова.

— Конечно, я необъективен, — улыбается Петр Васильевич, — но я стараюсь быть объективным. У нас хороший коллектив, работаем много, экспериментируем, ищем. Пусть не всегда удачно. А всегда удачно — быть такого не может. Привлекаем новых авторов, вспоминаем: Жуховицкий, Некрасов, Колесниченко, Губарев. В этом списке фамилий ваших коллег-журналистов не случайны.

Журналисты — в гуще событий, у них повышенное ощущение ритма времени. Новые авторы, новые темы, новые спенические решения. Уже одно только это качество — новизна — требует к себе внимания, и мы действительно нуждаемся в доброжелательной, умной критике.

— Вы более сорока лет в одном театре. Есть что сравнить и сопоставлять, а актеры — народ наблюдательный...

— Очень изменился зрительный зал. Как-то повзрослел, поуменел, зритель стал интереснее. Раньше Фердинанд выхватит шпагу, закричит: «Я заколю eel!», а зрительный зал в ответ: «Ах!». А теперь мы играем «Район посадки неизвестен...» Владимира Губарева. Никаких шпаг, драма в космосе! Казалось бы, проблемы, далекие от житейских дел, а как зал слушает!

— Ну, а артисты тоже изменились, как вы считаете, Петр Васильевич?

— Конечно! На моих глазах вырастают замечательные, талантливые артисты. Я особо подчеркиваю: талантливые! Это слово несколько девальвировалось от частого употребления. Но я утверждаю: молодые артисты нашего театра Ольга Науменко, Саша Скворцов, Валерий Афанасьев действительно талантливые люди, и я предрекаю им счастливую актерскую судьбу. Но, с другой стороны, мне не все нравится в молодых. Поверьте, это не старческое брюзжание. Очень часто молодые люди замыкаются в себе. А ведь актер — лицо общественное. (П. В. Крылов — бессменный член художественного совета театра, более десяти лет депутат райсовета, избирался членом райкома партии). В какой-то мере твоя общественная работа определяет отношение к делу вообще. И еще... Мы в молодости жили только своим театром. Ничего другого не существовало. А сейчас у многих молодых масса соблазнов вокруг: кино, телевидение, радио. Заработок — это я даже понимаю. Но еще и жажда славы! А разве слава приходит к тем, кто ее жаждет? В лучшем случае, если уж чересчур «стараться», — временная популярность. Тут однажды слышал разговор двух молодых артистов. Один другому жалуется: «Что-то звания все не дают...» Разве мы в молодые годы думали о званиях?

Признаюсь в конце: очерк этот написал я не случайно и к его герою не могу быть объективен. Мой отец много лет руководил Театром транспорта. Много лет на его сцене проработала и моя мать. Народного артиста РСФСР Петра Васильевича Крылова в доме моих родителей звали просто Петей, и помню я его столько, сколько помню себя. В моих воспоминаниях, детских или взрослых, он очень грозный, но всегда молодой, и поверьте, что ему 70 лет, я не в состоянии. Но это так, однако. Всю свою сознательную творческую жизнь отдал Петр Васильевич Крылов своему театру. Это его главный дом, тот дом, о котором говорит словами Федора Абрамова его герой Евсей Мошкин: «Главный-то дом человек в душе у себя строит. И тот дом ни в огне не горит, ни в воде не тонет. Крепче всех кирпичей и алмазов».

● Народный артист РСФСР П. Крылов.